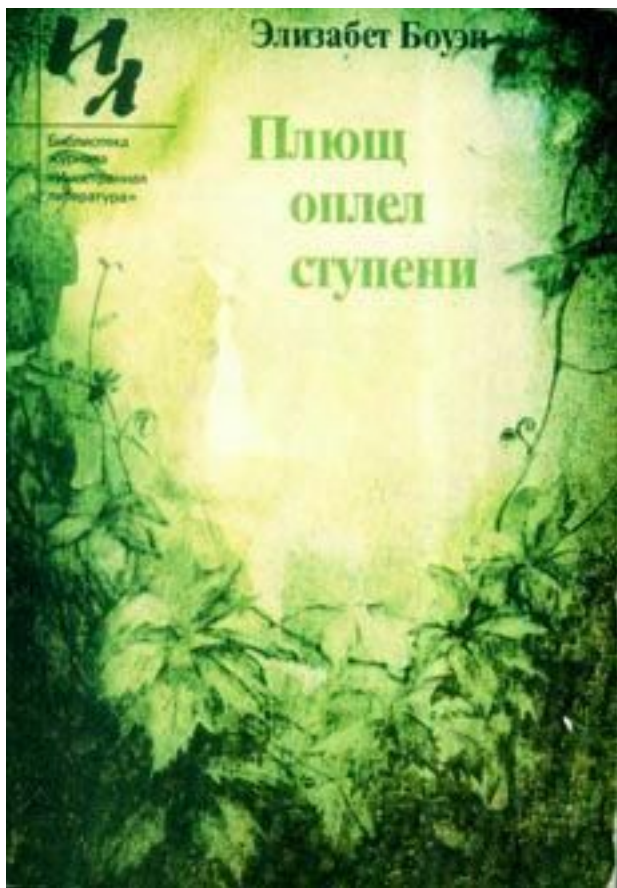

ИЯ

Библиотека
журнала
«Мисль і діалог»
«Література»

Елизабет Боуэн

**Плющ
оплел
ступени**

Элизабет Боуэн Мертвая Мейбл

OCR Busya

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=161883

*Элизабет Боуэн «Плющ оплел ступени». Библиотека журнала
«Иностранная литература»: Известия; Москва; 1984*

Аннотация

В эту книгу включены рассказы английской писательницы Элизабет Боуэн, написанные в разные периоды ее творчества. Боуэн – тонкий, вдумчивый мастер, она владеет искусством язвительной иронии, направленной на человеческие и социальные пороки

Элизабет Боуэн

Мертвая Мейбл

Внезапная и страшная смерть Мейбл Пейси, о которой шумели все европейские газеты, сделала рекламу и принесла миллионы компании «Гоухай филмз», Калифорния, США. Звезда Мейбл вспыхнула, подобно электрической дуге. На экраны небольших лондонских и крупных провинциальных кинотеатров вернулись фильмы трехлетней давности – Мейбл причесана по причудливой моде 1924 года, гладкие блестящие волосы ятаганами изогнуты на щеках. «Веселая Магдалина» – Мейбл причесана без затей, одета к обеду – неделями не сходила с афиш «Албани» и «Акрополиса», фешенебельных кинотеатров Уэст-Энда. Тщетно старались заполучить эту ленту владельцы киношек пониже рангом, в Эдинбурге, Дублине и Манчестере состоялось всего несколько сеансов, и толпы жаждущих увидеть картину так и ушли ни с чем. Последний фильм Мейбл, «Глупец», ждали затаив дыхание. Сидя в зале, зрители увидят Мейбл, не ведающую о занесенной над ней зловещей деснице рока, замрут в восхитительном ужасе или леденящем кровь восторге, наслаждаясь собственным всеведением, пока с ролика раскручивается заново само время. Все роли Мейбл меркли в сравнении с постигшим ее в жизни концом. Для любителей сенсаций такой фильм должен был стать настоящим пиршеством.

Снова будут растягиваться в улыбке губы, снова оживет тело, до кончиков пальцев послушное мозгу. Страшная смерть настигла Мейбл дома, когда она вернулась из студии, где заканчивались съемки этой картины.

Владельцам «Бижу» в Пэмслее судьба улыбнулась – они раздобыли «Белую всадницу», картину 1923 года. По вечерам на щите над фасадом кинотеатра зеленые электрические огни вычерчивали на фоне ненастного неба ее имя – Мейбл. Она вернулась только на три вечера. Поклонники шли сплошным потоком; нерешительные медлили, переминаясь, глядя по сторонам, нащупывали флорин, а когда жетон, звякнув, падал в щелку они все так же нерешительно ныряли в душный плюшевый туннель, пропахший табачным дымом. С половины шестого, уже за полчаса до первого сеанса, портьеры у входа непрестанно колебались; в половине десятого начинался второй поток.

В тот день Уильям Стикфорд никак не мог сосредоточиться на своей привычной работе в банке. Уильям жил один, был увлечен самообразованием и не отличался уверенностью в себе. Много и без разбора читал и потому все время пребывал в состоянии тревожного беспокойства. Он проглатывал случайно попадавшие на глаза учебники, бесконечное количество переводов в популярных изданиях, научных и прочих журналов, популярные брошюры по истории и философии; причем философия неизменно поглощала все его мысли. Прогуливаясь в одиночестве или лежа в темноте без

сна, Уильям размышлял о сути бытия. «Что я есть и существую ли я в действительности? Если да, то что еще существует, помимо меня? Если меня нет, то существует ли весь остальной мир? Реален ли он?» По ночам Уильяма мучили кошмары, и он просыпался в холодном поту; ему снилось, будто у него в голове перекатывается пустая бочка, с грохотом проваливаясь в какие-то ямы, которые оказывались лунными кратерами; или же ему снилось, что он подходит к своему дому, чтобы нанести самому себе визит, но ему говорят, что такой здесь никогда не жил. Порой предаваясь праздным размышлениям, он воображал себя жертвой какого-то все-ленского розыгрыша, будто все и вся, от звезд до управляющего банком, трубочистов, зубной пасты и шнурков для ботинок, ополчились против него и исподтишка посмеиваются над ним. Уильям не ухаживал за девушками, это весьма огорчало его квартирную хозяйку; она говорила, что тогда бы он стал более похож на нормального. По ней, молодые люди должны вести себя, как положено молодости, чего никак нельзя было сказать об Уильямс. Как-то раз управляющий, добрый недалекий старик, веривший в благотворность личных контактов со служащими, пригласил Уильяма к себе домой на музыкальный вечер и познакомил с племянницами. От смущения Уильям вел себя вызывающе, презрительно косился из-под очков, дерзил племянницам, даже с управляющим держался натянуто. Девушки попросили дядю больше не приглашать Уильяма. Из служащих банка он сблизился

только с Джимом Бартлеттом; Уильям ни как не мог понять, что за человек Джим, но уверил себя, что тот ему нравится. Джим вваливался к нему вечером; восхищенно похмыкивая, листал книги, садился у камина, задрал ноги на решетку; от подметок его ботинок поднимался пар. Он просиживал так до полуночи, пока у Уильяма не начинало мутиться в голове. В сущности, Уильяму вовсе ни к чему было слушать болтовню Джима, но он почему-то его слушал. Другие «я» угнетали Уильяма своей нестерпимой навязчивостью, не позволявшее усомниться в вероятности, даже в очевидности их существования. Иногда Джим вытаскивал его из дома. Уильям не признавал кинематограф и не поддавался искушению до тех пор, пока в каком-то еженедельнике некто, подписавшийся солидными инициалами, не назвал кинематограф «формой искусства». Тогда Уильям согласился отправиться с Джимом в кино и увидел Мейбл.

– Не понимаю, – говорил Джим в тот первый вечер, торопливо забирая сдачу в кассе, – как все, что она выделяет, проскакивает через цензуру.

Уильям предполагал, что сила Мейбл в эротическом воздействии, и потому вошел в зал, защитившись броней интеллекта, но в Мейбл не было ничего эротического – насколько *он* мог судить.

Фильм уже начался. Уильям оторопело шел по наклонному проходу навстречу лицу Мейбл на фоне листвы в солнечных бликах. Надпись: «Неужели ты не можешь поверить

мне?», затем крупный план, лицо ее неотвратимо надвигалось на Уильяма, он попятился, отдавив Джиму ногу, и застыл, замороженный лунным светом ее глаз, ожидая увидеть в них свое отражение. Уильям почувствовал, как это лицо на экране подчиняет его своей власти. «Что ты застрял?» – прошипел Джим и больно толкнул его. Они пробрались на свои места. Уильям сел и, потрясенный, закрыл глаза руками.

– ужасно мелькает, – сказал он, – меня предупреждали, что в глазах будет рябить.

– Ерунда, привыкнешь. Вот это девушка! Ты смотри, старик, смотри, раз заплачено!

То что происходило на экране, было очень условно, а Уильяму казалось, будто ожили сокровенные глубины его сознания. Он понимал, что страсть и чистоту, мужество, обман и вожделение просто разыгрывают перед ним, все это не пробуждало в нем никакого интереса, он сидел и смотрел только на Мейбл. Это было за пять месяцев до ее смерти. Ценители уже давно заметили ее но настоящая слава ждала Мейбл впереди. Она была ни на кого не похожа, весь облик ее постоянно причудливо изменялся. В этом упрощенном мире черно-белых контрастов она одна была неуловимо зыбкой. Каждое ее движение поражало неожиданностью, его невозможно было предугадать. Уильямом овладели смятение и досада, Мейбл наступала на него с неотвратимостью прилива, затопляющего прибрежный камыш. В этих плавных движениях была какая-то робость и вместе с тем уве-

ренность. Вот она встала, села, протянула руку, улыбнулась с пронзительно печальной обреченностью, словно назад пути не было. Уильяму хотелось вскочить и закричать: «Нет, нет, только не перед всеми!» Ее нижние веки были прямыми, она откидывала голову назад и смотрела поверх них. Верхние веки изгибались в крутом изломе, и от этого глаза казались треугольными. Когда она погружалась в задумчивость, веки медленно опускались, почти совсем скрывая глаза. Но вот скорбный мятущийся открытый взгляд вырывался из зашады и заставлял вас врасплох. Казалось, она отделяется от экрана и вы почти чувствуете ее прикосновение.

Уильяма не покидало мучительное ощущение неуместности своего присутствия в этом зале, он с облегчением вздохнул, когда сеанс закончился. По дороге домой он сказал:

– Признаться, я ожидал увидеть совсем другое.

– Ага! – откликнулся Джим Бартлетт. Он продолжал повторять это с безмерным ехидством и от разговоров о Мейбл уклонился. – У нее есть темперамент, – вот и все, что Уильяму удалось вытянуть из него. – Понимаешь, что я хочу сказать? Темперамент. Довольно редкая вещь. Ей бы сыграть Айриш Сторм в «Зеленой шляпе».

В тот вечер Уильям сам затащил к себе Джима и терпеливо сносил его дурацкую болтовню не потому, что она стала ему вдруг интересна. Он со страхом чувствовал, что уже не принадлежит себе, что кто-то, спокойный и уверенный, приоткрылся в темноте и насмешливо ждет, когда Уильям останет-

ся в одиночестве.

Через неделю он прочел в местной газете, что фильм «Падение» с участием Мейбл показывают в Белтоне, за десять миль от их городка. В тот же вечер, ускользнув от Джима, Уильям отправился в Белтон на велосипеде. Он яростно крутил педали, поднимаясь в гору по крутой дороге, в нем крепла холодная решимость познать самого себя. Назад он возвращался, узнав постыдную правду, и лицо его пылало под леденящими порывами пронизывающего ветра. На следующее утро Джим пристал к нему, где он был накануне, и Уильям что-то лгал, оправдываясь. Ну что ж, Джим сам на это напросился.

Размышления – вернее, то, что он под этим понимал, – утратили для него всякую привлекательность, чтение стало всего лишь механическим движением глазных яблок. Он начал допускать ошибки в работе. Временами им овладевало гнетущее чувство тревоги, и он напрягался, как натянутая струна, услышав шаги или стук двери.

Мейбл особенно хороша была в любовных сценах. Казалось, силы покидают ее, она изнемогает, прикинувшись к плечу партнера, тело ее бессильно сникает, она обречена, как дерево под натиском урагана. Она в отчаянии запрокидывает голову, партнер жадно ловит ее лицо. Невозможно отвести взгляд от руки, безвольно лежащей на его плече, от вздрагивающих пальцев. О чем она сейчас думает, о чем вообще думают женщины в *такие* мгновения?

Как-то вечером Джим Бартлетт, роясь в книгах Уильяма, наткнулся на номер «Кинозрителя», спрятанный за ними на полке. На обложке Мейбл в платье для верховой езды, снятая во весь рост, ироничная и элегантная, стояла, глядя в сторону

упираясь в бедро рукой с зажатými перчатками; казалось, фотограф застал ее врасплох, волосы слегка растрепались, как будто она только что сняла шляпу. Растерявшись от неожиданности, Джим уставился на снимок. Трубка в уголке рта, застывшее лицо – совсем как снеговик, подумалось Уильяму. Джим вынул трубку, вид у него был озадаченный.

– Ну и ну! – произнес он. – Ну и ну! Знаешь, ты действительно того... Я хочу сказать, старик...

– Я отложил журнал для тебя. Если бы ты не стал всюду совать свой нос, я бы сам...

– Ну конечно, – сказал Джим. – Мы и не думаем. Нет, нет, даже и не думаем...

– Ну и не думайте. И убирайся к черту!

В банке они держались подчеркнуто вежливо друг с другом и не позволяли никаких грубостей. Глубоко оскорбленный, Джим Бартлетт отправился домой. На следующее утро Уильям принес извинения.

– Не стоит говорить об этом, старик, – любезно ответил Джим. – Я тебя понимаю и прошу извинить меня. Если бы я только мог подумать, что ты это так воспримешь...

Его буквально распирало от благожелательности. Вече-

ром он пришел к Уильяму, готовый выслушать его исповедь, но не застал хозяина дома. Тот вернулся лишь в половине двенадцатого. Так повторялось три вечера подряд; в банке Уильям явно избегал Джима, и тот в конце концов перестал заходить.

Расскажи Уильям все откровенно, без утайки, как мужчина мужчине, Джим Бартлетт был бы сама скромность. Но поскольку Уильям предпочел отмалчиваться, Джим рассказал все другим клеркам. Они поделились новостью с племянницами управляющего, а те в свою очередь пересказали дяде. Вскоре при первом же поводе Уильяму был сделан строгий выговор за небрежность в работе и чрезмерное увлечение кинематографом. Уильям надменно делал вид, что любопытство сослуживцев и их колкости не задевают его, но в душе глубоко страдал. Он перестал ходить в «Бижу» и «Электру» в Пэмслее и Белтоне, а ездил на поезде в Лондон и там смотрел Мейбл. Нередко приходилось добираться до отдаленных окраин; в такие вечера он заходил в кондитерские, тускло освещенные газовым светом, что-нибудь рассеянно съедал или выпивал чашку чая, а потом в ожидании сеанса бродил по незнакомым безлюдным улицам. На протяжении всех этих месяцев жизнь стремительно неслась мимо него, а он точно окаменел.

В отличие от других клерков, Уильям никогда не просматривал газеты по утрам. Однажды, придя на работу, он почувствовал неладное: со всех сторон на него глазели – со сму-

щением, испугом и любопытством. Несколько раз заходил Джим Бартлетт, как-то странно поглядывал, мялся, покашливал и повторял: «Ну и ну...»

– В чем дело? – не выдержал Уильям, решив с досадой, что снова начинается травля.

– Так, ничего особенного. Видел сегодняшнюю газету?

– Нет.

Уильям мрачно и равнодушно смотрел из-за очков на Джима, который возбужденно и нетерпеливо расхаживал перед ним как маятник.

– Есть кое-что интересное, сходи домой в обед.

– Благодарю. Вряд ли меня что-нибудь там заинтересует, – ответил Уильям неестественно высоким голосом, каким он теперь разговаривал в банке.

Джим смущенно потеревбил багровое ухо, пожал плечами и вышел из комнаты, бросив на ходу:

– А все-таки взгляни.

Дома, в комнате Уильяма, номер «Дейли мейл» лежал на столе у графина. В центре полосы огромными буквами было набрано имя Мейбл рядом со словами «Страшная смерть». Им вдруг овладело холодное спокойствие, внутри стало пусто, и он взял со стола газету. Читая, время от времени безотчетно дотрагивался рукой до горла, каждый раз вздрагивал, словно от чужого прикосновения или словно сам прикасался к кому-то другому. Внимательно прочитал заметку и, подняв глаза, увидел стынувшую на столе котлету. Еле сдер-

живая рвота, он выскочил из комнаты. Вернувшись, снова взял газету, но не мог читать, строчки прыгали и расплывались перед глазами. Он подождал немного, не повторится ли рвота, вышел из дома и купил другие газеты. На улице в лицо ему ударил ветер. Уильям остановился в растерянности на бровке тротуара. Ветер завладел газетами, он играл на них, как на инструменте, и под его прикосновениями они звучали какой-то непостижимой мелодией, слушать которую, казалось, должен был сбежаться весь город. Уильям огляделся, прижимая газеты к груди, перебежал через улицу и вошел в церковь. Здесь он прочитал все газеты. Подробностей было предостаточно. Он долго сидел в полумраке церкви, прижавшись к спинке скамьи, потом отправился в банк.

Пять недель спустя в Пэмслее показывали фильм Мейбл «Белая всадница».

– Пойдешь? – спросил Джим Уильяма; он на удивление легко перенес все происшедшее.

– Вряд ли, – ответил Уильям. – У меня есть дела дома. – Он занимался на заочных курсах.

Он не пошел в кино ни в понедельник, ни во вторник. Он вообще исчез, и никто не знал, куда он делся. В среду фильм показывали в последний раз. Наступила среда.

Весь день в банке Уильям был сам не свой. Свет едва проникал в комнату сквозь большие окна, по стеклам текли струйки дождя, глухой перестук капель взвинчивал нервы. Уильям то и дело в ужасе смотрел на часы, никогда еще

ему так не хотелось, чтобы рабочий день тянулся бесконечно; он почти молился, чтобы какое-нибудь событие, что-то чрезвычайное остановило невыносимый бег минут. За его спиной приоткрылась дверь в коридор. Уильям заставил себя не оглядываться: ведь там, прислонившись к косяку, стояла Мейбл, улыбаясь, сжимая в руках перчатку. Она не сомневалась, что сегодня вечером он придет. Уильям оглянулся – в проеме дверей никого не было. Да и откуда ей взяться, раз ее уже нет на свете? Совсем нет. Теперь она уже никогда не появится, уверенная, улыбающаяся, не прислонится, как только что, к косяку. За последние недели он смирился, что Мейбл навсегда исчезла из этого мира. Когда она, ставшая ничем, снова возникла в его сознании и в дверном проеме, он, наверное, пошевелился или что-то произнес – все подняли головы от грессбухов. Уильям кашлянул и сделал вид, что он погружен в расчеты; головы снова опустились. День угасал, надвигались сумерки, и по конторе поползли тени. Кто-то влез на стул со свечкой; с глухим хлопком загорелся газовый свет, и дождевые капли, сбегавшие по оконному стеклу, замерцали в сгущающемся вечернем сумраке. Рабочий день шел своим чередом и, отвлекая Уильяма от его мыслей, втягивал в строго заведенный деловой порядок конторы; но вот, разрушая этот порядок, зазвучали громкие голоса, захлопали двери. Все ушли домой. Уильям еще долго сидел над грессбухами, наконец и он медленно отправился вслед за остальными.

Десять минут девятого он раздвигал портьеры перед входом в зал кинотеатра «Бижу». Этот громадный плюшевый мир, испаряющий теплую сырость, язвящий кожу острыми уколами своих волосков, поглотил Уильяма и оглушил его. Контролерша вернула его к действительности, попросив билет. «Только стоячие места!» – ему сказали об этом еще у входа, но он не стал лишать ее удовольствия от этой маленькой победы. Уильям остановился в проходе и, ощущая покалывание плюша, сжал холодные медные поручни, отгораживавшие партер.

Он смотрел прямо перед собой в дрожащий полумрак сводчатого зала. Сначала на экране никого не было, только деревья раскачивались под порывами ветра, потом над ними открылось ослепительно белое небо. В освещенной красноватым светом яме оркестр накручивал что-то бравурное, внезапно музыка резко оборвалась, только аппарат стрекотал в напряженной тишине. Струящийся через зал свет бился, словно испуганная птица, заточенная между оконными рамами, и Уильям сам содрогнулся от ужаса и бессилия. Но вот на экране появилось какое-то белое пятно, оно приближалось, и в нем постепенно угадывался силуэт всадника. По тропинке ехала девушка на белой лошади. Она настороженно прислушалась к стрекоту и шуршанию, потом развернула лошадь и помчалась в зрительный зал сквозь мелькающие тени деревьев. Уильям отпрянул от лошади, летящей на него, словно огромный молот, от ее тяжелых и страшных, как

удар колокола, копыт, мигающих глаз. Охваченный щемящей тоской, он взглянул на экран. С легкой улыбкой Мейбл надвигалась на него. Глаза их встретились. Лошадь и всадница пронеслись словно зримый раскат грома, погрузив экран во тьму.

Вцепившись в поручни, Уильям оглянулся на яркую полосу света из аппаратной. С ролика на экран лились мельчайшие частицы света, чтобы там, на экране, и в сознании Уильяма, вновь ожила Мейбл (ведь в реальности ее больше не было). Вот и все, что осталось от той, в которой так горячо билась жизнь; пляшущие пылинки – что их стоит задержать, только руку протяни. На экране сменился ракурс, камера отступила назад, и изображение стало более четким. Мейбл соскочила с лошади, она прерывисто дышала, к чему-то прислушиваясь; лошадь, вытянув морду, тоже прислушивалась. В них было столько привлекательности, столько покоряющей красоты, что по зрительному залу пробежал вздох восхищения. И словно в ответ ему снова грянул оркестр. Там-тирам-ти-там-тарам ти ту, там ти ту. Мейбл привязала лошадь и, озираясь, вошла в лес.

На поляне стоял мужчина, ее постоянный партнер, которому она столько раз принадлежала на глазах у зрителей. Прислонившись к дереву, спокойно улыбаясь, он поджидал ее. Он мог быть отвратительным, ничтожным, коварным, похотливым, но все равно в каждом фильме он снова и снова овладевал ею. Ей нравились порочные мужчины, обуреваем-

мые слепыми страстями и не вызывающие симпатии зрителей. Такой партнер только оттеняет ее собственную сдержанность, трогательное отчаяние, изысканную обреченность, и это прекрасно понимал ее режиссер. Мейбл осторожно шла по лесу, и солнечные лучи скользили по белым бриджам, по сапогам для верховой езды, над упавшими стволами деревьев, под низко свисающими ветвями. По ее лицу пробегали тени. Мужчина улыбнулся, отбросил сигарету и, выйдя из-за дерева, пошел ей навстречу... Резкая смена кадра, на экране белая лошадь, словно догадываясь обо всем, беспокойно встряхивает головой и прядает ушами.

Уильям пришел к концу картины, развязка наступила неожиданно быстро. В простом черном платье, кроткая и покинутая, Мейбл стояла у большого камина и смотрела на огонь. Только что были красные титры, и теперь экран отсвечивал красноватым отблеском. У ног Мейбл, лениво дожидаясь своего часа, трепетали язычки пламени. Огонь как бы нащупывал к ней подступы, с тайной жадностью, почти нежностью, не сомневаясь в победе, отбрасывал на нее отсветы, скользившие по прелестной округлой руке, шее, подбородку. Она стояла у камина теперь, спустя четыре года, стояла перед зрителем, как обреченная жертва. Казалось, огонь всеведущ. В очаге рухнуло прогоревшее полено, взметнулся столб искр, она вздрогнула, подняла испуганные глаза. Она ждала.

О, *Мейбл*... Там, у камина, она казалась такой живой, а луч света все нес и нес ее с ролика на экран. В ней было что-

то нетленное, неземное. Этот высший покой был недоступен огню, неподвластен времени. Можно уничтожить пленку, экран, уничтожить ее плоть, но это останется нетронутым. Ее нельзя было постичь разумом, рядом с нею их жизнь казалась призрачным мигмом. Даже погибнув, в агонии, о которой страшно подумать (и все-таки Уильям снова и снова представлял себе эту смерть во все новых подробностях, пока не исчерпал свершившееся до конца), она возрождалась в этом нерушимом покое. О, *Мейбл...*

Где-то в зале приоткрылась дверь, и луч света прорезал тьму. Ее отражение на экране всколыхнулось, словно язычок пламени. Она протянула к нему руки, мираж исчез, она снова была добычей судьбы. Уильям отвернулся и зажмурил глаза. Он пошел на ощупь вдоль перил, на мгновение замешкался, столкнувшись с билетершей, отодвигавшей портьеры у выхода. Он медленно прошел в ярко освещенный вестибюль, спустился по трем ступенькам и шагнул под дождь. Струи воды хлестнули его по лицу, волосы сразу стали мокрыми. Он надел шляпу, и по ее полям сердито застучали капли дождя.

Перед ним была широкая улица, нереальная, как кадр из какого-нибудь фильма. Уильям помедлил в нерешительности, выйдя на середину, потом повернул налево. Позади него из распахнутых дверей кинотеатра, словно шум прибоя, несся гул толпы, глухой скрежет. Оркестр исполнял гимн. Насладившись Мейбл, они расползались по домам. Но где же

теперь она, уже неинтересная и ненужная им, – где же она?

От угла Хай-стрит Уильяму нужно было свернуть в переулок. По сточным желобам с громким шумом бежала вода. Вокруг была густая, как чернила, тьма, и только тусклый свет редких фонарей выхватывал из темноты мокрые стены. Он остановился и оглянулся. Изумрудная надпись «Мейбл» вспыхнула над белым фасадом и тут же погасла; темнота поглотила и щит с надписью, и само здание. Итак, все кончено. Через месяц, другой, когда притупится ужас и слава ее померкнет, о ее фильмах будут вспоминать лишь изредка, а потом и вовсе забудут. Он слышал, что из старой киноплёнки изготавливают лакированную кожу. Значит, Мейбл станет туфлями, дамской сумочкой, обовьется пояском вокруг чьей-то талии. Но облезет лак, и что останется?

– Ты здесь, рядом, – прошептал он, протягивая в темноту руку. – Уверена, что я об этом знаю, гордое создание! Стоишь и смотришь на меня. Ты видишь меня?... Ты более реальна, чем я...

Шагая вслепую, он едва не задел влюбленную парочку, прижавшуюся у стены. Чересчур страстное объятие выдало их шуршанием макинтоша. Любовь! Все его взвинченное существо содрогнулось от отвращения. На какое-то мгновение, потрясенный этим нетерпеливым порывом страсти, он потерял ее. Мейбл. Где же ты, Мейбл?... А, ты здесь...

Живая, она была рядом с ним, не позволяя ни на минуту забыть о ней, терзая реальностью своего существования.

Уильям опять остановился, чей-то велосипед с зажженной фарой стоял у изгороди дома. Слабый желтый свет пробивался сквозь дождь. На клумбе мокли под дождем похожие на призраки, полинявшие хризантемы, их лепестки поникли от сырости. Вдруг он увидел, как один цветок отделился от остальных, поплыл в воздухе, промелькнул в свете фонаря и исчез. Он услышал, как цветок шлепнулся на землю. Что это, почему, ведь все цветы стоят прямо, недвижно, поднося головки? Кто же?...

Нет, только не это! Ему стало страшно.

– Сжался надо мной, я не вынесу этого. Я слишком люблю тебя, Мейбл! Не надо!

Он поднял голову и посмотрел вокруг. Она была рядом слева, справа, всюду.

Дома Уильям в каком-то странном ожидании взволнованно ходил по комнате, глаза его машинально скользили по книгам и картинам. Часы пробили двенадцать, наступил новый день. Утром он снова должен быть в банке, и повседневность вступит в свои права. Теперь он мог забыться недолгим сном а затем снова начнется жизнь. Отвлеченная категория и повседневная суэта. Он жил, был заточен в оболочку тела, подчинен потребностям плоти, как цепями, прикован к ним. В газовом свете эта повседневность выглядела довольно мерзко. Жирные пятна на скатерти, грязный ободок пота на подкладке шляпы. Так вот какой след оставляет человек

в мире вещей. А что оставляет он в другом, нематериальном мире? Ничего. И даже сама мысль предстала перед ним беспомощной, зыбкой, более уязвимой, чем мозг в броне черепа. Жить не было сил.

А чувствовать? Что он мог чувствовать теперь, после смерти Мейбл, когда жизнь потеряла всякий смысл? Но, быть может, смерть не даст ему бесследно исчезнуть, пока призывно сияет Мейбл?

В правом верхнем ящике его письменного стола не было того, что требуется в подобных случаях: орудия для единственно достойного поступка, который он должен был совершить ради нее. Уильям резким движением выдвинул ящик, в безотчетном желании сыграть сцену, которую он видел тысячу раз, находясь во власти колдовства Мейбл, и которая казалась ему восхитительной, – ведь он не понимал, какое жалкое зрелище представляет собой. Рука уверенно скользнула в глубь ящика, пистолет у виска, легкая струйка дыма – экран погас.

Ему было отказано в этом. Под пристальным, чуть насмешливым взглядом треугольных глаз он склонился над ящиком, рассматривая сваленные там в беспорядке записные книжки, огрызок карандаша, обгоревшие спички, набросок сонета, старый помятый галстук – весь этот хлам.